

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

THE LIFE
AND TIMES
OF LIBERAL
DEMOCRACY

C.B. MACPHERSON

ЖИЗНЬ
И ВРЕМЕНА
ЛИБЕРАЛЬНОЙ
ДЕМОКРАТИИ

К.Б. МАКФЕРСОН

Перевод с английского
АЛЕКСАНДРА КЫРЛЕЖЕВА

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2011

УДК 321.7
ББК 66.3
М17

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Научный редактор
АРТЕМ СМИРНОВ

Макферсон, К. Б.

М17 Жизнь и времена либеральной демократии [Текст] / пер. с англ. А. Кырлежева; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011. — 176 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0780-3 (в пер.).

В настоящей работе выдающийся канадский политический философ К.Б. Макферсон (1911–1987) рассматривает последовательную смену четырех моделей либеральной демократии в XIX–XX вв. и показывает историческую зависимость политического устройства от капиталистической экономики.

Написанная доступным языком, книга представляет интерес не только для политологов и философов, но и для широкого круга читателей.

УДК 321.7
ББК 66.3

The Life and Times of Liberal Democracy, first edition, was originally published in English in 1977. This translation is published by arrangement with Oxford University Press.

Книга «Жизнь и времена либеральной демократии» впервые опубликована на английском языке в 1977 году. Данный перевод публикуется по соглашению с Oxford University Press

ISBN 978-5-7598-0780-3 (рус.) © С.В. Macpherson, 1977
ISBN 0-19-289106-5 (англ.) © Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
I. МОДЕЛИ И ПРЕДТЕЧИ	
1. ПРИРОДА ИССЛЕДОВАНИЯ	8
2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ	10
3. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ.....	20
II. МОДЕЛЬ 1: ПРОТЕКЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ	
1. РАЗРЫВ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ	40
2. УТИЛИТАРИСТСКАЯ ОСНОВА	43
3. ЦЕЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА У БЕНТАМА.....	45
4. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ТРЕБОВАНИЕ	55
5. МЕТАНИЯ ДЖЕЙМСА МИЛЛЯ	60
6. ПРОТЕКЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА РЫНКА	67
III. МОДЕЛЬ 2: ДЕМОКРАТИЯ РАЗВИТИЯ	
1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОДЕЛИ 2.	70
2. МОДЕЛЬ 2А: ДЕМОКРАТИЯ РАЗВИТИЯ ДЖ.С. МИЛЛЯ.....	79

3. УКРОЩЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВА ГОЛОСА	99
4. МОДЕЛЬ 2Б: ДЕМОКРАТИЯ РАЗВИТИЯ XX В..	107

IV. МОДЕЛЬ 3: ДЕМОКРАТИЯ РАВНОВЕСИЯ

1. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ РЫНОЧНАЯ АНАЛОГИЯ.	118
2. АДЕКВАТНОСТЬ МОДЕЛИ 3	126
3. НЕУСТОЙЧИВОСТЬ МОДЕЛИ 3	139

V. МОДЕЛЬ 4: ДЕМОКРАТИЯ УЧАСТИЯ

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ИДЕИ	141
2. ВОЗМОЖНО ЛИ НЫНЕ БОЛЬШЕЕ УЧАСТИЕ?	143
3. МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ УЧАСТИЯ	162
4. ДЕМОКРАТИЯ УЧАСТИЯ КАК ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ?.....	171
ОБ АВТОРЕ	173

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатель может удивиться краткости этой книги. Название «Жизнь и времена» обычно предполагает книгу раз в десять больше по объему. Но для выполнения моего замысла такой объем не нужен, потому что я собираюсь четко обозначить сущность либеральной демократии, как она понимается ныне, а также как она понималась в прошлом и может пониматься в будущем. Краткость больше подходит для этой цели, чем подробное изложение. Однако я надеюсь, что мой анализ достаточно серьезен для того, чтобы описать образцы, которые я выявил, и оправдать критику и похвалы, от которых я не вижу причин воздерживаться.

Предшествующие варианты этой работы были последовательно представлены в нескольких университетах: наиболее ранний и пробный — в Университете Британской Колумбии, а более поздние, в каждом из которых была учтена прозвучавшая критика, — в Институте дополнительного обучения Австралийского национального университета, Институте философии Университета Орхуса и в Университете Торонто. Части этой работы были также представлены и подверглись обоснованной критике в некоторых университетах Соединенных Штатов и некоторых других университетах Канады. Коллеги и студенты, которые принимали участие в обсуждении во всех этих странах, увидят, насколько были для меня полезны их критические замечания. Некоторые желали бы, чтобы последствия этой критики были бы серьезнее. Но я благодарю всех.

Университет Торонто
4 октября 1976 г.

К. Б. М.

I. Модели и предтечи

1. ПРИРОДА ИССЛЕДОВАНИЯ

Никто не принимается за написание «Жизни и времен», пока жив герой жизнеописания. Следует ли тогда рассматривать либеральную демократию столь близкой к своему концу, что можно отважиться описать ее жизнь и времена? Краткий ответ, предрешающий то, что я буду доказывать: да, если под либеральной демократией понимается, как это все еще, как правило, бывает, демократия капиталистического рыночного общества (неважно, насколько это общество кажется изменившимся с возникновением государства всеобщего благосостояния); и в то же время — не обязательно, если под либеральной демократией понимается (как это делали Джон Стюарт Милль и этические либерал-демократы, наследовавшие ему в конце XIX — начале XX в.) общество, стремящееся к обеспечению того, чтобы все его члены были одинаково свободны реализовать свои способности. К несчастью, либеральная демократия может означать и то, и другое. Ибо «либеральная» может означать свободу более сильных обманывать более слабых, следуя правилам рынка; или же может означать действительную свободу всех использовать и развивать свои способности. Вторая свобода несовместима с первой.

Трудность состоит в том, что либеральная демократия в течение почти всей своей жизни (которая, как я буду настаивать, началась лишь около ста пятидесяти лет назад в качестве понятия, став позднее действующим институтом) старалась соединить эти два значения. Ее жизнь началась в капиталистических ры-

ночных обществах, и с самого начала она приняла их основное бессознательное допущение, которое можно выразить словами «Рынок создает человека». Вместе с тем довольно рано, начиная с Джона Стюарта Милля в середине XIX в., она провозгласила принцип равных индивидуальных прав на саморазвитие и в значительной степени оправдала себя этим провозглашением. С тех пор эти две идеи либеральной демократии не просто сосуществовали вместе, каждая со своими подъемами и спадами.

Поныне рыночный взгляд доминирует: «либеральный» воспринимается, сознательно или бессознательно, как «капиталистический». Это так, несмотря на то что этические либералы, начиная с Милля, старались соединить рыночную свободу со свободой саморазвития и подчинить первую второй. Они потерпели неудачу, о причинах которой мы будем говорить в третьей главе.

Здесь я просто утверждаю, что либеральную позицию не обязательно ставить в неперемнную зависимость от принятия капиталистических посылок, хотя исторически было именно так. Тот факт, что либеральные ценности сложились в капиталистических рыночных обществах, сам по себе не является основанием для того, чтобы этический принцип либерализма — свобода индивида реализовать его/ее человеческие способности — всегда связывать лишь с такими обществами. Напротив, вполне можно утверждать, что этический принцип или, если угодно, инстинкт индивидуальной свободы перерос свою капиталистическую рыночную оболочку и теперь может жить, так же или лучше, без нее; как и человеческие производительные силы, которые столь внушительно выросли в рамках соревновательного капитализма, не утрачиваются, когда капитализм отказывается от свободной конкуренции или замещается какой-либо формой социализма.

Я покажу, что продолжение жизни того, что можно действительно назвать либеральной демократией, зависит от снижения значимости рыночных представлений и повышения значимости идеи равных прав на саморазвитие. Я думаю, что есть некоторая надежда на то, что это произойдет. Хотя и нет никакой уверенности в том, что так и случится. Поэтому я считаю уместным сохранить этот несколько мрачноватый заголовок: «Жизнь и времена».

В этой небольшой работе моей главной целью является исследование пределов и возможностей либеральной демократии. Позвольте мне теперь объяснить, почему я делаю это посредством моделей и почему избрал определенные модели в качестве достаточных и уместных. Далее я перейду к рассмотрению некоторых более ранних моделей, которые считаю предшествующими либеральной демократии.

2. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ

Почему модели?

Я употребляю термин «модель» в широком смысле — как теоретическую конструкцию, предназначенную для того, чтобы выявить и объяснить реальные отношения (которые не лежат на поверхности) между изучаемыми феноменами или в рамках этих феноменов. В естественных науках, которые в основном занимаются явлениями, не подверженными изменениям в силу воздействия человеческой воли или социальных трансформаций, следующие друг за другом модели (например, Птолемея, Коперника, Ньютона, Эйнштейна) суть последовательно более полные и достаточные объяснения реальных, неизменных отношений. В социальных науках, занимающихся явлениями, которые в исторически меняющихся границах подвержены изменениям по причине воздействия человеческой воли,

модели (или теории, как мы можем с тем же успехом их назвать) могут иметь два дополнительных измерения.

Во-первых, они могут предназначаться для объяснения не только глубинной реальности доминирующих или имевших место в прошлом отношений между обладающими волей и испытывающими исторические влияния человеческими существами, но также и возможности или вероятности будущих изменений в этих отношениях. Выявляя основные направления изменений и очевидно неизменяемые характеристики человека и общества, поддающиеся обнаружению к настоящему моменту, они могут пытаться различить силы перемен и пределы перемен, которые, как можно ожидать, будут характерны для будущего. Не все теоретики, формулировавшие законы изменений, считали, что они действуют прямолинейно: например, Макиавелли мыслил в терминах циклического движения как исторической формы социальных и политических изменений, которые будут бесконечно происходить в будущем. Но уже с Просвещения XVIII в. с его идеей прогресса вошло в обычай мыслить в линейных категориях. Не все теоретики, которые выделяли одну главную линию изменений в прошлом, прочерчивали ее в будущее: например, такие авторы XVIII в., как Монтескье, Тюрго, Миллар, Фергюсон и Адам Смит, которые усматривали и формулировали закон четырех стадий развития общества (охотничья, скотоводческая, земледельческая и коммерческая), склонялись к тому, что последняя стадия является окончательной. Но в XIX в. другие, и столь разные авторы, как Конт, Маркс и Милль, с большей или меньшей настойчивостью прочертили главную линию прошлого развития в будущее. И конечно, каждая из этих теорий эксплицитно или имплицитно опиралась на какую-то модель.

Другое дополнительное измерение моделей, используемых в политическом теоретизировании, — этиче-

ское, касающееся того, что желательно, или хорошо, или правильно. Выдающиеся модели политической науки, по крайней мере начиная с Гоббса, были одновременно объяснительными и обосновывающими, или оправдывающими. Они являются, в разных пропорциях, утверждениями о том, какова политическая система или политическое сообщество, как оно функционирует или может функционировать, и в то же время утверждениями о том, почему оно хорошо или почему хорошо именно такое положение дел. Некоторые демократические теоретики достаточно хорошо понимали, что их теории являются такого рода смесью. Другие — не понимали или даже отвергали подобный взгляд. Те, кто начинал с молчаливого допущения, что существующее правильно, склонны были отрицать, что они выносят ценностные суждения. Те, кто начинал с молчаливого допущения, что существующее неправильно, придавали особое значение этической аргументации (в то же время стараясь показать, что это имеет и реальное, практическое значение). И между этими двумя крайностями возможны позиции с разной расстановкой акцентов.

В любом случае чтобы показать, что какая-либо модель политической системы или общества, либо ныне существующего, либо пока не существующего, но желательного, реалистична, т.е. что можно предполагать, что она будет хорошо работать в течение достаточно долгого времени, следует ввести некие представления о человеческих существах, посредством которых и во взаимодействии с которыми она будет функционировать. Какого рода политическое поведение они способны осуществлять? Ясно, что это ключевой вопрос. Политическая система, которая, например, требует, чтобы граждане были более рациональными или политически более ангажированными по сравнению с тем, какими они ныне являются *и, как можно ожидать,*

будут в любых достижимых социальных условиях, вряд ли заслуживает особой защиты. Сделанная мною (и выделенная) оговорка важна. Мы не обязательно ограничены тем политическим поведением, которое люди демонстрируют сегодня. Мы им не ограничены, если можем обосновать наше ожидание того, что это поведение может перемениться, скажем, с изменением технологических возможностей и экономических отношений в обществе.

Большинство (хотя и не все) политических теоретиков самых разных убеждений — консервативных традиционалистов, либеральных индивидуалистов, радикальных реформистов и революционеров — очень хорошо понимали, что работоспособность любой политической системы очень сильно зависит от того, насколько все другие институты, социальные и экономические, оказывают или могут оказывать формирующее воздействие на людей, посредством которых и с участием которых должна функционировать политическая система. В этом сходились столь разные авторы, как Берк, Милль и Маркс, хотя большинство более ранних либеральных теоретиков, скажем, от Локка до Бентама, уделяли этому не слишком много внимания. И было принято считать, по крайней мере в XIX и XX вв., что самым важным в деле формирования людей как политических акторов со стороны всей совокупности социальных институтов и общественных отношений является формирование самосознания. Например, когда представление о человеке, практически в каждом порождаемое доминирующими социальными установлениями, связано с принятием на себя обязательств, характерных для определенного социального положения, или «места в жизни», тогда будет работать традиционная иерархическая политическая система. Когда же коммерческая и промышленная революция настолько изменила положение вещей, что это пред-

ставление стало неприемлемо, потребовался другой образ. Если сущностными чертами этого образа человека являются максимизация потребления и присвоения, мы имеем новое сознание, дающее место совсем другой политической системе и требующее ее. Если же позднее, испытывая отвращение к этому результату, люди станут думать о себе иначе, станет возможной и необходимой какая-то иная политическая система.

Итак, рассматривая модели демократии — прошлые, настоящие и могущие возникнуть в будущем, — нам следует держать в поле зрения две вещи: лежащие в основе этих моделей представления об обществе в целом, в котором должна функционировать демократическая политическая система, и представления о природе людей, которые должны сделать систему работающей (что, конечно, применительно к демократической системе означает всех людей, а не только правящий или доминирующий класс).

Из моих слов «об обществе, в котором должна функционировать демократическая политическая система», можно сделать вывод, будто демократической должна именоваться только политическая система, будто демократия есть просто механизм для избрания и легитимации правительств или, говоря иначе, принятия законов и политических решений. Однако мы должны иметь в виду, что демократия гораздо чаще мыслилась и мыслится как нечто большее. Начиная с Милля и далее у Л.Т. Хобхауса, А.Л. Линдсея, Вудро Вильсона и Джона Дьюи вплоть до современных сторонников демократии участия демократия рассматривается как некое качество, пронизывающее всю жизнь и функционирование национального или меньшего по масштабу сообщества, или, если угодно, как некий тип *общества*, т.е. всей совокупности взаимных отношений между людьми, составляющими нацию или иную общность. Некоторые теоретики, в основном XX в.,

считали необходимым разделять эти два значения демократии. Некоторые даже совсем исключали второе значение, определяя демократию как просто систему управления. Но в любом реалистическом анализе оба значения проникают друг в друга. Ибо разные модели демократии в узком смысле соответствуют разным типам общества.

Сказанного о моделях вообще достаточно, чтобы указать на то, что анализ либеральной демократии вполне можно проводить с точки зрения моделей. Изучать модели либеральной демократии значит изучать представления людей, которые желают ее, или ждут от нее большего, или предпочитают одну из ее ныне существующих версий, — представления о том, что она такое, а также о том, какой она могла бы быть и должна быть. Это больше, чем можно сделать, просто анализируя способы функционирования и институты какого-либо из существующих либерально-демократических государств. И это дополнительное знание очень важно. Ибо представления людей о политической системе — это не что-то внешнее по отношению к ней: они составляют ее неотъемлемую часть. Такие представления, как бы они ни складывались и чем бы они ни определялись, со своей стороны определяют пределы и возможное развитие этой системы: они определяют то, с чем люди будут мириться, и то, чего они будут требовать. Короче говоря, исследование с точки зрения моделей облегчает задачу удерживать в сознании тот факт, что либеральная демократия (как и любая другая политическая система) включает две необходимые составляющие, которые не всегда лежат на поверхности: а) чтобы быть работающей, она должна соответствовать желаниям и возможностям людей, которые приводят ее в действие; поэтому модель демократии должна предполагать (или принимать как само собой разумеющуюся) некую модель че-

ловека; б) поскольку, чтобы работать, она нуждается в общем одобрении и поддержке, эта модель должна содержать, эксплицитно или имплицитно, этически обосновывающую теорию.

Почему исторически сменяющие друг друга модели?

Если предмет нашего исследования — пределы и возможности современной либеральной демократии, то почему мы должны погружаться в «Жизнь и времена»? Почему не ограничиться анализом настоящего? Разве не было бы проще выявить единую модель ныне существующей либеральной демократии, перечислив наблюдаемые особенности практики и теории, общие для тех государств XX в., которые всеми единодушно рассматриваются как либеральные демократии, т.е. системы, функционирующие в большей части англоязычного мира и Западной Европы? Такую модель обозначить было бы несложно. Ее основные черты довольно очевидны. Правительства и законодатели прямым или непрямым способом избираются посредством периодических выборов на основе всеобщего и равного избирательного права, а голосующие, как правило, делают выбор между политическими партиями. Существует достаточный уровень гражданских свобод (свобода слова, печати и ассоциаций, а также свобода от произвольного ареста и заключения под стражу), обеспечивающий эффективность права выбора. Имеет место формальное равенство перед законом. Меньшинства находятся под определенной защитой. Всеми принимается принцип максимальной индивидуальной свободы, совместимый с равной свободой для других.

Многие современные политические авторы рисуют именно такую модель. Она может служить в качестве базы для исследования и изображения актуальных,

необходимых и возможных проявлений современной либеральной демократии. Ее можно также использовать для обоснования этического превосходства либеральной демократии над другими системами. Почему бы нам тогда не использовать такую единую модель, созданную на основе нынешней практики и нынешней теории? Зачем рассматривать последовательно сменявшие друг друга модели, которые доминировали на протяжении более чем столетия вплоть до нашего времени?

Самая простая причина состоит в том, что рассмотрение последовательно сменявших друг друга моделей снижает риск проявить близорукость по отношению к грядущему. Слишком легко, используя единую модель, перекрыть пути в будущее; слишком легко прийти к мысли, что либеральная демократия, коль скоро мы ее достигли, и неважно, какими стадиями, застыла в своем настоящем виде. Действительно, использование единой современной модели почти вынуждает сделать такой вывод. Ибо единая модель нынешней либеральной демократии, чтобы быть реалистичной, т.е. объясняющей, моделью, должна указывать как на необходимое условие на некоторые нынешние механизмы, такие как, например, соревновательная партийная система и не прямое (т.е. представительное) правление. Но это значит препятствовать тем опциям, которые могут стать возможными в силу изменившихся социальных и экономических отношений. Возможны серьезные расхождения во мнениях относительно того, можно ли некоторые вполне представимые будущие формы демократии назвать собственно *либеральной демократией*, но такой тезис следует доказывать, а не утверждать как нечто бесспорное. Следует рассмотреть, в частности, вопрос о том, способна ли либеральная демократия в больших национальных государствах двигаться в сторону сочетания не прямой и

прямой демократии: т.е. в сторону более полного участия, которое может потребовать иных механизмов по сравнению с существующей партийной системой.

Есть и другая причина предпочесть рассмотрение последовательно сменяющих друг друга моделей: это помогает более полно раскрыть содержание современной модели, собственную природу настоящей системы. Ибо ныне превалирующая модель сама по себе является амальгамой, возникшей в результате частичного отвержения и частичного усвоения предшествующих моделей. Каждая из первых трех моделей, которые я выбрал, в свое время была доминирующей моделью, т.е. в целом принимаемой теми, кто был вообще привержен демократии, как описание того, что такое демократия, зачем она нужна и каких институтов требует. И каждая из последовательно сменяющих друг друга моделей, после первой, создавалась в контексте критики одной или нескольких предыдущих. Каждая предлагалась как корректив предшествующей или как ее замещение: отправной точкой всегда была атака по крайней мере на какую-то часть предшествующей модели, даже тогда, когда, как это нередко бывало, новая модель включала существенные элементы более ранней, а ее создатели не отдавали в этом себе отчет. Таким образом, каждая модель была в определенной степени развитием предыдущей. Поэтому уместнее рассматривать природу современной либеральной демократии, а также ее возможное будущее развитие и его пределы, обращаясь к последовательно сменяющим друг друга моделям и к причинам, в силу которых они создавались, а затем терпели неудачу.

Почему именно эти модели?

Даже если мы убедились в преимуществах работы с моделями и в уместности анализа либеральной де-

мократии посредством изучения последовательно доминировавших моделей, возникает вопрос: почему не двигаться в прошлое дальше XIX столетия, как это делаю я? Почему не дойти, по крайней мере, до Руссо или Джефферсона или до демократических идей, связанных с пуританством XVII в., как это обычно делают те, кто стремится отыскать корни либеральной демократии?

На этот вопрос невозможно ответить без дальнейшего рассуждения. Нетрудно выдвинуть такое определение либеральной демократии, которому будут соответствовать некоторые теории и видения демократии периода до XIX в. Так, если свести сущностные черты либеральной демократии к трем или четырем пунктам (что вполне разумно), — скажем, к таким как идеал равных индивидуальных прав на саморазвитие, равенство перед законом, основные гражданские свободы и народный суверенитет с равным политическим голосом для всех граждан, — оставляя в стороне такие элементы, как представительство, партийная система и т.д., в этом случае некоторые более ранние идеи демократии могут рассматриваться как либерально-демократические. С тем же успехом, если включить в число этих пунктов представительство и проч., то различные более ранние концепции можно, наоборот, исключить. Определение рассматриваемой модели зависит от ценностного суждения относительно того, *каковы* ее сущностные черты, и отстоять такое суждение невозможно, просто давая ее определение.

Что же, у нас нет никакого основания для того, чтобы избрать отправную точку для либеральной демократии? Я так не думаю. Ибо если нас занимает возможное будущее либеральной демократии, мы должны обратить внимание на отношения между демократическими институтами и внутренней структурой общества. И существует один аспект таких отношений,

по большей части игнорируемый современными теоретиками либеральной демократии, который можно считать решающим. Это отношение между демократией и классом.

Я хотел бы теперь показать, что наиболее серьезная и наименее изученная проблема настоящего и будущего либеральной демократии связана с тем фактом, что либеральная демократия была предназначена для того, чтобы приспособить демократическое правление к *классово разделенному* обществу; что такая подгонка не предполагалась, ни в теории, ни на практике, вплоть до XIX в.; и что поэтому более ранние модели и видения демократии не следует рассматривать как модели либеральной демократии.

3. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Демократия и класс

Как только внимание сосредоточивается на отношении между демократией и классом, мы сталкиваемся с новой формой исторического описания. Разумеется, нет ничего нового в указании на то, что основная западная традиция политической мысли, от Платона и Аристотеля до XVIII и XIX вв., определяла демократию, когда вообще думала о ней, как правление бедных, невежественных и некомпетентных классов за счет классов праздных, цивилизованных, имущих. Демократия, рассматриваемая с верхних уровней классово разделенного общества, означала классовое правление — т.е. правление, осуществляющееся неподходящим для этого классом. Это была классовая угроза, то, что несовместимо ни с либеральным, ни с иерархическим обществом. Основная западная традиция вплоть до XVIII и XIX вв. **была, так сказать, недемократической и антидемократической.**

Однако на протяжении более двух тысяч лет все же постоянно возникали демократические представления, были защитники демократии и даже имели место некоторые примеры демократической практики (хотя они никогда не охватывали всего политического сообщества). Если мы посмотрим на эти демократические представления и теории, то увидим, что у них есть один общий момент, который резко отличает их от либеральной демократии XIX и XX вв.: все они имеют дело с не классово разделенным обществом. Едва ли будет преувеличением сказать, что для большинства из них демократия *была* бесклассовым или одноклассовым обществом, а не просто политическим механизмом, соответствующим такому обществу. Эти ранние модели и видения демократии были реакцией на классово разделенное общество своего времени. Как таковые их можно с полным правом назвать утопиями — знаменитым именем, восходящим к заглавию удивительного сочинения Томаса Мора «Утопия» (XVI в.).

Это поразительным образом противопоставляет их либерально-демократической традиции XIX в. и далее, которая с самого начала — и в начале с большей ясностью, чем позднее, — принимала и признавала классово разделенное общество, в которое и должна была быть встроена демократическая структура.

Концепция либеральной демократии стала возможна только тогда, когда теоретики — сначала немногие, а затем большинство либеральных теоретиков — пришли к выводу, что принцип «один человек — один голос» не угрожает собственности или существованию классово разделенного общества. Первыми из мыслителей-систематиков, которые это осознали, были Бентам и Джеймс Милль в начале XIX в. Как мы увидим (во второй главе), они опирались при этом на две вещи: во-первых, на свою модель человека (которая уподобляла всех людей образу буржуазного мак-

симизирующего человека, из чего следовало, что все заинтересованы в поддержании неприкосновенности собственности); и во-вторых, на свое наблюдение, что низшие классы обычно относятся к высшим с почтением.

Таким образом, по моему мнению, граница между утопической демократией и либеральной демократией проходит в начале XIX столетия. По этой причине я и рассматриваю теоретиков периода до XIX в. в качестве предшественников либеральной демократии вместо того, чтобы считать их теории — скажем, Руссо, или Джефферсона, или любого из пуритан XVII в. — частью «классической» либерально-демократической традиции. Это не значит, что концепции, сложившиеся до XIX в., игнорировались или отвергались теоретиками XX столетия. Напротив, к этим более ранним концепциям нередко обращались, в особенности в XX в., экспоненты того, что я называю Моделью 2. Но это мало что давало этим экспонентам, поскольку они, как правило, не замечали, что их собственное восприятие класса несовместимо с тем, которое характерно для этих ранних теорий.

Я уже говорил, что сторонники демократии, предлагавшие свои модели и представления в период до XVII в., имели в виду или бесклассовое, или одноклассовое общество. Прежде чем обратиться к этому периоду, не мешает сказать больше о том, что понималось под классом в контексте того времени.

Класс понимался тогда в терминах собственности: его составляли те, кто состоял в одних и тех же отношениях к владению или не владению производящей продукты земель и (или) капиталом. Более широкое понятие класса, определяемое самым простым образом: богатые и бедные или богатые, средние и бедные, — было распространено в политической теории сколь угодно ранее, хотя в самых ранних теориях (на-

пример, у Аристотеля) владение *производительной* собственностью лишь имплицитно являлось критерием принадлежности к определенному классу. Однако представление о том, что класс, хотя бы имплицитно понимаемый в терминах производительной собственности, является важным критерием различных форм правления и даже важным фактором, определяющим, какие формы правления могут существовать и функционировать, разделяли Аристотель, Макиавелли, английские республиканцы XVII в. и американские федералисты — задолго до того, как Маркс разглядел в классовом конфликте двигатель истории.

Некоторые недемократические теоретики, отводившие классу центральное место в своем анализе (как, например, Гаррингтон), проводили различия между классами не по принципу владения или невладения собственностью, а опираясь на иные отношения собственности — феодальные или нефеодальные. Однако демократические теоретики обычно имели в виду более простое различие: между обществами с двумя классами, обществами только с одним классом и обществами без классов. Таким образом, некоторые из ранних утопистов (как и современные коммунисты) вполне представляли себе общество без индивидуального владения производительной землей или капиталом, а потому и без класса собственников: это можно назвать *бесклассовым* обществом. Другое представление об обществе предполагает, что индивидуальное владение производительной землей или капиталом существует и что каждый владеет или может владеть такой собственностью: это можно назвать *одноклассовым* обществом. Наконец, существует общество, где имеет место индивидуальное владение производительной землей или капиталом и где не каждый, но лишь одна группа людей владеет такой собственностью: это *классово разделенное* общество.

Разграничение между «бесклассовым» и «одноклассовым» обществами может показаться произвольным: каждое из таких обществ или представлений об обществе вполне может быть названо любым из этих терминов. Но поскольку эти два типа обществ существенным образом различаются, необходимо использовать и два разных термина. Современному словоупотреблению в большей степени соответствует использование термина «бесклассовое» для общества без частного владения производительной землей или капиталом, а термина «одноклассовое» — для общества, где каждый владеет или может владеть такими производительными ресурсами.

Теории периода до XIX в. как предтечи

Обратимся теперь к демократическим теориям периода до XIX в. В Древнем мире, конечно, были некоторые выдающиеся действующие демократии, и наиболее известная — афинская, прославленная Периклом. Однако от той эпохи до нас не дошло какой-либо серьезной теории, которая бы обосновывала или даже просто анализировала демократию¹. Мы можем предполагать, что любая такая теория рассматривала бы в качестве необходимой базы демократии ту часть граждан, которая в основном включает лиц, не зависящих от работодателей: это вполне соответствовало бы фактам, насколько мы их знаем, если говорить об афинском городе-государстве в его демократический период, который хорошо описан как демократия соб-

¹ Аристотель дает краткий анализ различных видов «демократии», под которой он понимает системы с умеренным имущественным цензом, позволяющим голосовать. Он выступает резко против полной демократии: он одобряет единственный вид демократии, когда высшая власть находится в руках «земледельцев и тех, кто имеет средний достаток» (Аристотель. Политика, IV. С. 6. 1292 b; ср. VI. С. 4. 1318 b).

ственников. Мы не знаем, было ли такое требование, соответствующее требованиям *одноклассового* гражданского сообщества, вписано в теоретическую модель, поскольку ни одной теоретической модели до нас не дошло: мы можем лишь высказывать разумные предположения.

В Средние века не приходится ожидать, а также обнаруживать какой-либо теории демократии или какого-либо требования демократических выборов: время от времени вспыхивавшие народные восстания не преследовали целью установление выборности, поскольку в то время власть, как правило, не принадлежала выборным органам. Там, где доминировал феодализм, власть была связана с социальным положением — унаследованным или же достигнутым силой оружия. Ни одно народное движение, сколь бы яростным оно ни было, не опиралось на представление, что может достичь своей цели, если оно получит право голоса. В государствах и независимых городах позднего Средневековья также не добивались власти подобным образом. Когда поднимались голоса и вспыхивали восстания против позднесредневекового социального порядка, как это было в случае Жакерии в Париже (1358), восстания чомпи во Флоренции (1378) и Крестьянского восстания в Англии (1381), выдвигались требования выравнивания социального положения и иногда — имущественного состояния, а совсем не требование установления демократического политического порядка. Стремилась или к бесклассовому коммунистическому обществу, как об этом свидетельствуют слова, приписываемые герою Крестьянского восстания в Англии Джону Боллу: «Дела в Англии не наладятся, пока все блага не станут достоянием всех, и не будет ни рабов, ни господ, и все мы будем равны»²,

² Цит. по: *Beer M. A History of British Socialism. L., 1929. Vol. I. P. 28.*

или же к одноуровневому обществу, где все могли бы владеть собственностью. Мы не знаем ни об одном таком движении, которое породило бы какую-либо систематическую теорию или описание демократической политической структуры.

Перемещаясь в XVI и XVII столетия, мы уже находим некоторые явно демократические теории. В Англии возникают два демократических течения. Одно ориентировано на бесклассовую структуру, другое — на одноклассовую. В демократических утопиях этого времени, наиболее известные из которых — «Утопия» Томаса Мора (1516) и «Закон свободы» Уинстенли (1652), речь идет о бесклассовом обществе. Такое общество должно было прийти на смену классово разделенному обществу: авторы стремились покончить со всеми классовыми системами власти. Усматривая основу классового угнетения и эксплуатации в институте частной собственности, они заменяли ее общественной собственностью и общим трудом. Эти представления о демократии, относящиеся к периоду раннего Нового времени, ориентировались на общество равных, лишённое всякого гнета, а также предполагали некую схему управления. Такое общество должно было быть бесклассовым, а чтобы быть бесклассовым, оно должно было исключать частную собственность.

Другое демократическое направление XVII в., поскольку оно проявилось в политическом, а не только в религиозном пространстве, не в меньшей степени связано с темой класса. Тогдашнее английское пуританство изобиловало демократическими идеями. Хотя они были порождены спорами о церковном управлении и оказали реальное воздействие лишь в этой сфере (и лишь отчасти в армии), они в то же время затронули и сферу гражданского правления, особенно в период гражданской войны и провозглашения республики (*Commonwealth*). Однако за исключением таких край-

не радикальных утопистов, как Уинстенли, группы и движения, политическая мысль которых восходит к демократическому пуританству, не были демократическими в политическом смысле. Они не заходили так далеко, чтобы требовать полного народного суверенитета или полностью демократических выборов.

Пресвитериане и индепенденты настаивали на имущественном цензе для участников выборов. Относительно позиции другого ведущего политического движения — левеллеров, которые в течение нескольких лет во время гражданской войны были очень сильны, идут споры. В другом месте я показал³, что левеллеры как организованное движение, выражавшее свою позицию в единодушных заявлениях, намеревались не допускать к выборам наемных работников и просящих подавание (более половины взрослых мужчин). Но некоторые историки⁴, возражая на это, утверждают, что в своих отдельных писаниях и выступлениях левеллеры не были единодушны в этом вопросе и что некоторые из них были полными демократами. Если это и можно допустить как возможную интерпретацию заявлений некоторых левеллеров, мы все же должны задаться вопросом о том, какая классовая структура для левеллеров-демократов была бы совместима с демократией, к которой они стремились. Ответ ясен. Все левеллеры жестко противостояли классовым различиям, которые они видели вокруг и которые позволяли классу землевладельцев и богачей занимать господствующее положение и эксплуатировать людей

³ *Macpherson C.B.* The Political Theory of Possessive Individualism. Oxford, 1961. Ch. 3; *Macpherson C.B.* Democratic Theory: Essays in Retrieval. Oxford, 1973. Essay 12.

⁴ *Thomas K.* The Levellers and the Franchise // The Interregnum: The Quest for Settlement, 1640–1660 / G.E. Aylmer (ed.) L., 1972; M.A. Barg — цит. в: *Hill C.* The World Turned Upside Down. L., 1972. P. 94, 97.

малоимущих (и даже доводить их до состояния неимущих). В некоторых из наиболее страстных сочинений⁵ левеллеров говорится о тайном сговоре богатых и именитых и выражается желание положить этому конец. Идеалом всех левеллеров было общество, где все люди владеют достаточной собственностью, чтобы трудиться в качестве независимых производителей, и где никто не имеет собственности такого качества и такого количества, которая создавала бы возможность существования класса эксплуататоров.

Короче говоря, левеллеры, независимо от того, были ли среди них полные демократы, были привержены идеалу одноклассового общества. У них был такой же исторический взгляд на общество, как и у Руссо столетием позже. По их мнению, частная собственность, порождающая эксплуатацию, привела к упадку. Незначительная частная собственность независимых производителей является естественным правом. Значительная частная собственность, позволяющая ее владельцам эксплуатировать других, противоречит естественному праву.

Обращаясь к XVIII столетию, мы обнаруживаем некоторые значимые теории (их немного), которые обычно и вполне справедливо называют демократическими. В качестве ведущих сторонников демократии этого века можно привести Руссо и Джефферсона: их демократические идеи более влиятельны и в большей степени учитываются в наше собственное время, чем идеи кого-либо другого из их современников⁶. Как бы

⁵ Например, тех, что цитируются в: *Macpherson C.B. The Political Theory of Possessive Individualism*. P. 154–156.

⁶ Джеймс Мэдисон в американском контексте, без сомнения, был не менее, если не более, влиятелен, чем Джефферсон: Роберт Даль, например, строит в XX в. свою модель демократии, в основном опираясь на Мэдисона. И Мэдисон представляется исключением из моей схемы, так как он в

позиции Руссо и Джефферсона ни отличались в других отношениях, они оба представляли себе общество, где каждый владеет или может владеть достаточной собственностью, чтобы трудиться и сотрудничать, общество независимых производителей (крестьян, или фермеров, и ремесленников), а не общество, разделенное на, с одной стороны, зависимых наемных работников, а с другой — людей, владеющих землей или капиталом, от которых зависят первые.

Позиция Руссо ясна. Частная собственность есть священное индивидуальное право⁷. Однако священна только скромная собственность работающего собственника. Неограниченное право собственности, как резко заявляет Руссо в своем «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между

1780-х годах признал классово разделенное общество и стремился к соответствующей ему системе управления. Однако на самом деле он не является исключением, так как система, которую он предлагает, едва ли может быть названа демократической: достаточно лишь обратить внимание на его озабоченность тем, чтобы защитить «богатое меньшинство от большинства» (The Records of Federal Convention 1787, revised ed. / M. Farrand (ed.). New Haven; L., 1931. P. 431); на его опасения относительно доминирования «фракции», которую он определял как «некое число граждан — независимо от того, составляет ли оно большую или меньшую часть целого, — которые объединены и охвачены общим увлечением или интересом» (Федералист. № 10); и на его утверждение естественного права владеть неравной собственностью, которое должно быть защищено от посягательств со стороны приверженцев демократического уравнивания (Там же). Поэтому его нельзя отнести к либеральным демократам периода до XIX в.

⁷ «...право собственности — это самое священное из прав граждан и даже более важное в некоторых отношениях, чем свобода... Собственность — это истинное основание гражданского общества». Руссо Ж.-Ж. О политической экономии. III. (Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 128).

людьми» (1755), является источником и продолжающим действовать средством эксплуатации и несвободы: морально оправдано только ограниченное право собственности. Эту свою позицию он подтвердил в «Общественном договоре» (1762). Первой собственностью, в изначальном смысле производства средств к существованию, было владение участком земли. Первоначальное право на землю, право первой заимки, было ограничено двумя условиями: «чтобы занято было лишь столько, сколько необходимо, чтобы прокормиться... чтобы вступали во владение землею не в силу какой-либо пустой формальности, но в результате расчистки и обработки ее»⁸. Итак, представление Руссо об ограниченной собственности опирается на идею естественного права.

Ему нужно было такое ограниченное право собственности и по другой причине, о чем он также ясно говорит: только такое ограниченное право совместимо с суверенностью общей воли. Истинно демократическое общество, которое будет управляться общей волей, требует такого равенства собственности, ибо «ни один гражданин не должен обладать столь значительным достатком, чтобы иметь возможность купить другого, и ни один — быть настолько бедным, чтобы быть вынужденным себя продавать»⁹. Ясно, что слова о покупке и продаже людей не имеют отношения к рабству, потому что этот принцип представлен как постоянное правило для *граждан*, т.е. свободных людей, а потому, по-видимому, речь здесь идет о запрете покупать и продавать свободный наемный труд. И опять, «законы всегда приносят пользу имущим и причиняют вред тем, у кого нет ничего: отсюда следует, что общественное состояние выгодно для людей, лишь по-

⁸ Руссо Ж.-Ж. Трактаты. С. 166.

⁹ Там же. С. 188.

сколькx они все чем-либо обладают и поскольку ни у кого из них нет ничего излишнего»¹⁰.

Причина, по которой Руссо требует такого равенства, достаточно очевидна. Это прямо вытекает из его идеи о суверенности общей воли. Ибо там, где различия собственности разделяют людей на классы с противоположными интересами, люди будут руководствоваться классовыми интересами, которые по отношению ко всему обществу являются интересами частными; поэтому они не смогут выражать общую волю к общему благу. Возникновение и неуклонное действие общей воли требует одноклассового общества работающих собственников. Такого общества можно достичь действиями правительства: «Вот почему одно из самых важных дел правительства — предупреждать чрезмерное неравенство состояний, не отнимая при этом богатств у их владельцев, но лишая всех остальных возможности накапливать богатства, не воздвигая приютов для бедных, но ограждая граждан от возможности превращения в бедняков»¹¹.

Подобную, хотя и менее систематичную аргументацию мы встречаем и у теоретика, которого часто считают первым великим американским поборником демократии. Томас Джефферсон доверял простым людям в степени, необычной для большинства последующих президентов Соединенных Штатов. Было бы неоправданно циничным думать, что причина этого — отсутствие у него тех соблазнов, которые порождают новейшие технологии президентских кампаний. В любом случае он ясно дал понять, как в своих публичных заявлениях, так и в частной переписке, что его доверие к людям было доверием к независимым трудящимся собственникам, которых он считал хребтом — и на-

¹⁰ Там же. С. 125.

¹¹ Там же.

деялся, что они останутся хребтом — американского общества.

В своей наиболее существенной опубликованной работе «Заметки о штате Вирджиния» (1791) он с ясностью обнаруживает, что его благорасположение к человеческой природе ограничивается теми, кто обладает прочной экономической независимостью:

Зависимость порождает раболепство и продажность, душит зародыш добродетели и подготавливает удобные орудия для свершения злых умыслов... вообще в любом государстве соотношение между земледельцами и всеми другими слоями населения — соотношение между здоровой и гнилой частью государства — является достаточно хорошим барометром для измерения степени его разложения... Массы, населяющие большие города, так же способствуют поддержке чистоты государства, как язвы — организму человека¹².

О том же принципе он пишет в письме Джону Адамсу в 1813 г.:

Здесь каждый может иметь землю, на которой он будет трудиться, если захочет, или, если он предпочтет проявлять свою деятельность в другой области, он может требовать за свой труд такую компенсацию, которая не только обеспечит ему приличное существование, но и даст ему также возможность не работать в старости. Каждый благодаря собственности, которой он владеет, или в силу своего удовлетворительного положения заинтересован в поддержании законов и порядка. И такие люди могут надежно и с успехом сохранить за собой полный контроль над своими общественными делами и ту степень свободы, которая в руках городской черни Евро-

¹² Джефферсон Т. Заметки о штате Вирджиния // Американские просветители. Избранные произведения. В 2 т. / под общ. ред. Б.Э. Быховского. Т. 2. М.: Мысль, 1969. С. 74–75.

пы сразу же привела бы к разрушению и уничтожению всего народного и частного¹³.

Демократия, согласно Джефферсону, предполагает общество, в котором каждый экономически независим. Размышляя в американском контексте, Джефферсон не требовал, чтобы каждый был собственником-производителем, но лишь чтобы каждый мог стать им, если захочет. Он не возражал против наемного труда, но только потому, что при наличии свободной земли наемные работники были столь же независимы, что и земледельцы. Не порицал он и людей, владеющих значительным имуществом, к каковым и сам относился, поскольку любой другой владел или мог владеть небольшим имуществом, достаточным для того, чтобы быть независимым. Поэтому в тех обстоятельствах, которые, как видел Джефферсон, превалировали в Америке и которые он считал необходимым условием демократии вообще, не было существенного классового различия. Он допускал существование отношений найма только потому, что в этих обстоятельствах они не порождали классово разделенного общества. Условием демократии для Джефферсона, как и для Руссо, было одноклассовое общество.

Можно возразить, что то общество, которое до XIX в. авторы считали условием демократии, все же не было одноклассовым обществом, так как в нем подчиненным классом все еще оставались бы женщины, не имеющие сами по себе права владеть производительной собственностью. Более того, оппоненты демократов, как мы видели, подчеркивали тот факт, что любой класс не владеющих производительной собственностью зависим от класса обладающих такой собственностью и этим последним эксплуатируется.

¹³ Томас Джефферсон — Джону Адамсу. Монтчелло, 28 октября 1813 г. // Там же. С. 98–99.

Вполне можно показать, что женщины находились именно в таком положении, и несомненно, что ранние демократические авторы не выступали против этого: Руссо определенно считал, что женщины должны находиться в состоянии зависимости. Не значит ли это, что такие авторы имели в виду то, что следует назвать классово разделенным обществом?

Думаю, что нет. Потому что вплоть до XIX в. женщин обычно не считали полноценными членами общества. Они пребывали внутри гражданского общества, но к нему не принадлежали. Едва ли теоретик, описывая классовый характер общества или предписывая его, стал бы рассматривать их как некий класс. Демократ XVIII столетия вполне мог мыслить одноклассовое общество, исключая при этом женщин, и это было столь же естественно, как для древнего афинского демократа исключать из одноклассового общества рабов.

О женщинах нельзя сказать, что они составляли класс в полном смысле слова. Верно, что поскольку женщины не могли владеть собственностью, они соответствовали минимальному определению класса. И поскольку они находились в положении зависимых и эксплуатируемых, они соответствовали понятию класса, связанному с отношением эксплуататоры — эксплуатируемые. Однако существует очень большая разница между тем, как эксплуатировали женщин, и тем, как эксплуатировали неимущий рабочий класс (представителей которого в XVII и XVIII вв. также не рассматривали в качестве полноценных членов гражданского общества¹⁴). Я думаю, эта разница столь велика, что неуместно описывать женщин как класс.

Начиная с XVII в. и далее по мере того, как капиталистический рынок вытеснял феодальные и иные ста-

¹⁴ Ср.: Macpherson C.B. The Political Theory of Possessive Individualism. P. 221–229.

тусные отношения в качестве средств, позволяющих собственникам извлекать выгоду из труда неимущих, стало ясно, что единственный допустимый способ извлечения такой выгоды — это отношения между свободными наемными работниками и владельцами капитала, которые эксплуатируют первых. Отношения найма, т.е. строго рыночные отношения, стали критерием для определения класса. И в XVIII в., когда Руссо и Джефферсон выдвигали идею одноклассового общества, и в течение некоторого периода позднее в соответствии с этим критерием женщины не являлись классом. Их действительно эксплуатировало общество, в котором доминировали мужчины и которое принуждало большинство из них выполнять функцию воспроизводства рабочей силы, вознаграждая их не более чем возможностью существовать. Но это происходило в согласии с законными установлениями, подобными феодальным (или даже рабовладельческим), а вовсе не рыночным отношениям. Поскольку класс определялся капиталистическими рыночными отношениями, женщины как таковые не составляли класса и не рассматривались как класс. В этой ситуации авторы, которые резко выступали против классово разделенного общества и в то же время не рассматривали женщин как класс, являлись истинными приверженцами одноклассового общества. Поэтому, я думаю, нам все же следует относить демократических теоретиков периода до XIX в. к сторонникам одноклассового (или бесклассового) общества.

Надеюсь, что этого краткого обзора моделей демократии, относящихся к периоду до XIX в., достаточно, чтобы поддержать мое утверждение, что все они соответствуют представлению или о бесклассовом, или об одноклассовом обществе. И именно поэтому я думаю, что все эти ранние демократические теории лучше не относить к либерально-демократической традиции.

Чтобы принадлежать к этой традиции, теория должна быть одновременно и демократической, и либеральной. Но то, что обычно — и, по моему мнению, справедливо — считается либеральной традицией, начиная с Локка и энциклопедистов и до сего дня, с самого начала предполагало принятие рыночных свобод капиталистического общества.

Эта схема достаточно ясна. Либералы XVII и XVIII вв., которые вовсе не были демократами (скажем, от Локка до Берка), полностью принимали капиталистические рыночные отношения. То же самое относится и к либеральным демократам начала XIX в. (насколько сильна была такая приверженность у Бентама и Милля, мы увидим во второй главе). Затем (как мы увидим в третьей главе), с середины XIX по середину XX в., либерально-демократические мыслители старались соединить принятие капиталистического рыночного общества с гуманистической этической позицией. Это привело к появлению модели демократии, заметно отличающейся от модели Бентама, но все еще принимающей рыночное общество. Поскольку либеральный компонент либеральной демократии с завидным постоянством включал принятие капиталистических отношений и потому классово разделенного общества, представляется вполне обоснованным не относить к категории либерально-демократических демократические теории, возникшие в период до XIX в., так как все они отвергали классово разделенное общество. Это были, так сказать, ремесленные модели, и их лучше всего рассматривать как произведения предшественников либеральной демократии.

Если такое разделение кому-то представляется несколько произвольным, я не стану настаивать. В данном случае значение имеет не столько классификация, сколько понимание того, насколько глубоко рыночные

представления о природе человека и общества проникли в либерально-демократическую теорию.

Читатель может подумать, что обоснование предложенной классификации не может не привести автора к убеждению, что либеральная демократия всегда должна принимать капиталистическое рыночное общество с его классовыми разделениями. Если «либеральное» всегда означало именно это или, по крайней мере, всегда это включало, следует ли продолжать использовать этот термин только в таком значении? Не будет ли тогда противоречием говорить (как я это делаю в пятой главе) о перспективах демократической теории, которые предполагают упадок или отвержение рыночных представлений, и рассматривать это как исследование возможной будущей модели либеральной демократии?

С моей точки зрения, ни на один из этих вопросов не должно быть утвердительного ответа. Я считаю, что те причины, по которым в век формирования либеральной демократии «либеральное» означало принятие капиталистического рыночного общества, уже больше не действуют. Либерализм всегда означал освобождение индивида от устаревших ограничений, накладываемых институтами, учрежденными в прошлом. В эпоху, когда либерализм оформился в виде либеральной демократии, это было призывом освободить всех индивидов без исключения и освободить их ради того, чтобы они в полноте использовали и развивали свои человеческие способности. Но пока сохранялась экономика дефицита, либеральные демократы считали, что единственный путь для достижения этой цели пролегал через производительность свободного капиталистического предпринимательства. Можно ставить под сомнение, было ли это на самом деле единственным путем в начале XX в., но несомненно, что ведущие либеральные демократы думали, что это

именно так; и пока они так думали, они должны были настаивать на взаимосвязи между рыночным обществом и целями, преследуемыми либеральной демократией. Но эта взаимосвязь больше не является необходимой. Она не является необходимой в том случае, если мы считаем, что теперь уже достигли такого технологического уровня производительности, который делает возможной для каждого достойную жизнь, не зависящую от действия капиталистических стимулов. Конечно, это утверждение можно поставить под вопрос. Но если его отрицать, тогда, как представляется, невозможна никакая новая модель демократического общества и нет смысла обсуждать такую модель, будь она либеральной или какой-либо иной. Если же это утверждение принимается, тогда прежде необходимая взаимосвязь перестает быть таковой и в качестве «либерально-демократической» можно рассматривать некую новую модель, не опирающуюся на капиталистический рынок.

В следующих главах я рассмотрю три последовательно сменявшие друг друга модели либеральной демократии, о которых можно сказать, что они поочередно доминировали с начала XIX в. по настоящее время, и затем обращаюсь к рассмотрению перспектив четвертой модели. Первую модель я называю *протекционной демократией* (protective democracy): в данном случае обоснование демократической системы правления состоит в том, что ничто другое в принципе не может защитить тех, кем управляют, от притеснения. Вторая именуется *демократией развития* (developmental democracy): она принесла с собой новое моральное измерение, позволяющее рассматривать демократию главным образом как средство индивидуального саморазвития. Третья модель — *демократия равновесия* (equilibrium democracy) — отвергает моральное измерение на том основании, что опыт актуального

I. Модели и предтечи

функционирования демократических систем демонстрирует нереалистичность модели развития: вместо этого теоретики равновесия предлагают описание (и обоснование) демократии как конкуренции элит, которое имеет результатом равновесие без особого участия народа. Эта модель в настоящее время доминирует. Ее неадекватность становится все более очевидной, и возможность ее замены чем-то, предполагающим большее участие, является насущной и острой проблемой. Поэтому в настоящем исследовании предпринимается попытка рассмотрения перспектив и проблем, связанных с четвертой моделью — *демократией участия* (participatory democracy).

Научное издание
Серия «Политическая теория»

МАКФЕРСОН К.Б.

ЖИЗНЬ И ВРЕМЕНА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ЮЛИЯ ПЕТРИНА

Корректор
ЕЛЕНА АНДРЕЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 24.11.2010. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 7,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1231. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография „Наука“»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-7598-0780-3

